

Аббас ГАЛЛЯМОВ:

«Если слово блогера весит больше, чем слово политика, то это не значит, что политика как жанр себя исчерпала. Это просто политики у нас фейковые»

Первый семинар «Платформы» 2019 года поставил вопрос об адекватности политического языка. Откуда нарастающее ощущение пустоты политических высказываний? Можно ли вообще корректно описать реальность происходящего, используя существующую политическую риторику?

Спикером семинара был приглашен известный политолог **Аббас Галлямов**. Он наблюдал власть «изнутри», в том числе – занимаясь подготовкой выступлений политических лидеров. А как политтехнолог, изучал реакцию аудиторий.

Если верно, что политический язык и наброшенная им понятийная сетка не соответствуют реальности, возможны ли новые языковые стратегии? Можно ли предложить какой-то новый язык? Когда и почему он появляется, можно ли его сконструировать, или это стихийный процесс? Из данной языковой проблемы наверняка есть масса интересных следствий и выводов, которые не хотелось бы упустить.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА?

Нагляднее всего суть проблемы можно показать на примере риторики коммунистов. Запрос на социальную справедливость в обществе очень силен. Нынешний режим удовлетворить его не в состоянии. Любая социология показывает, что КПРФ воспринимают как «партию простых людей». Словом, коммунистам – все карты в

руки. Но желающих голосовать за них в разы меньше, чем можно ожидать. Причина несоответствия между мощным потенциалом и слабым результатом – архаичный политический язык, который используют лидеры компартии. Но их трудно в этом обвинять. Для ядерного избирателя этот язык органичен. Это условные 8–10%, которые ностальгируют по Советскому Союзу и живут вчерашним днем. Такие люди живо реагируют на критику Ельцина и Чубайса, которая нам – живущим днем сегодняшним – кажется верхом неадекватности. Мы думаем: «Господи! Да Ельцин уже почти 20 лет как не при делах! Зачем его помянуть в каждом выступлении?» А для тех людей это маркер: «Свои говорят». И вот, устанавливая эффективный контакт со своей электоральной базой, лидеры КПРФ, одновременно ограничивают свои возможности контакта с потенциальным избирателем. Для последних, при всем совпадении в части идеологии, КПРФ выглядит как кружок реконструкторов, партия вчерашнего дня, неадекватная современным реалиям. Содержательно слушатели соглашались – и про эксплуатацию, и про политическую надстройку, выражающую интересы крупной буржуазии, и про обнищание масс. Но стилистически для них это все слишком архаично.

Даже попытки обновления у КПРФ пока проваливаются, потому что предпринимаются на устаревшей базе – с точки зрения большинства понятийной. Коммунисты выступили на думских выборах со слоганом «Мы правы, мы сможем». Они понимали: нужно уходить от старого восприятия, – и попытались по-творчески обыграть оппозицию «правые» и «левые». Креативно, но проблема в том, что вся эта конструкция уже не воспринимается.

Про КПРФ я говорю, так как там это все выглядит наиболее наглядно, но в целом с теми же самыми проблемами сейчас сталкиваются практически все политические силы. Взять риторику властей: все эти разговоры, связанные с «силой», «патриотизмом», «державностью», – свежо смотрелись 18 лет назад. Сейчас они перестают работать. И не потому, что люди с ними не согласны содержательно. Они согласны, но устали – сама частота использования predeterminedила усталость от всего этого.

ЗАРОЖДЕНИЕ КРИЗИСА РИТОРИКИ

Хорошо помню момент, когда я сам впервые зафиксировал в аудитории усталость от инерционного повторения и нарастание жажды обновления.

В думскую кампанию 2011 года я работал в Башкирии. В ноябре-декабре уже очевидно было резкое падение рейтингов «Единой России», росли протестные настроения. Я провел серию фокус-групп, куда рекрутировал разочаровавшихся избирателей правящей партии. 95% претензий было не к тому, что власть недемократична, или задушила свободу слова, или коррумпирована, или неэффективна и т.д. Люди иногда это воспроизводили, но душу в такого рода обвинения не вкладывали. Все сводилось к тому, что опять будут рокировки Путина с Медведевым. «Сколько можно?! Надоели». Одну формулировку я дословно запомнил: «Царские времена прошли, чтобы до смерти на троне сидеть», – и все закивали, закивали. Но содержательных претензий к курсу не было, и традиционные обвинения оппозиции почти никто не повторял.

Благодаря Крыму на какое-то время эта ситуация была заморожена. То есть жажда обновления была удовлетворена без смены первого лица: мы вдруг реально почувствовали, что являемся гражданами великой державы! На несколько лет все остальные претензии были сняты. Но сегодня фактор Крыма перестает работать, и претензии 2011 года опять размораживаются.

МЕНЯЮТСЯ РЕАЛИИ – МЕНЯЮТСЯ ЗНАЧЕНИЯ

Вы это объясняете только скукой? Условно говоря, тем что притираются? Или тем, что сама по себе реальность меняется, а язык не всегда успевает за ней? А что, если весь категориальный аппарат, которым мы оперируем, уже плохо справляется с самой реальностью? Не важно, левые мы или правые, либералы или коммунисты. Жизнь уже мимо этого всего проходит, все быстро и сильно трансформируется, а слова

ОСТАЮТСЯ.

Не получится говорить только о языке, не затрагивая степень соответствия понятийного аппарата современным реалиям. В каждом случае надо понять, что именно меняется в первую очередь: реалии или термины?

Так вот, в нынешней ситуации я не вижу в обществе больших, социально значимых трансформаций. По-большому, мы – тот же самый социум, каким были 18 лет назад. У нас что, новые классы возникли? Нет. Какой-нибудь радикальной урбанизации, как сто лет назад, тоже не происходит. Да, появляется много новых технологий – в первую очередь в сфере коммуникаций, – но ведь нельзя сказать, что они как-то перекраивают социальную ткань. Изменения есть, но их нельзя назвать революционными.

Так что я бы не стал утверждать, что главная проблема политического языка сегодня это его несоответствие реалиям. Нет, реалии сейчас меняются медленно, язык устаревает гораздо быстрее – он сам себя изнашивает.

Хотя, конечно, я свой вывод не абсолютизирую. На длительных отрезках времени можно видеть, что реалии тоже трансформируются и меняется содержание привычных терминов. Слова звучат так же, а значат уже другое.

Например, на протяжении всего XX века существует институт политических партий. Наполнение этого термина содержанием постепенно трансформируется. Поколение 1910-1920-х считало, что для партии самое важное – массовое членство, число людей, готовых выйти на улицу по ее призыву. В 1950-60-е годы стало очевидно, что это вторично, а важно, сколько избирателей придут и за эту партию проголосуют. Не обязательно массовое членство, интересуется избиратель – этот акцент очень сильно сместился в середине XX века. Но слово «партия» не перестало быть адекватным, в каждый момент оно отражало сложившиеся реалии, мне кажется. В новых же условиях слово «партия» наполняется новым содержанием и опять адекватно отражает

реальность, не так ли?

ФЕЙКОВАЯ ПОЛИТИКА

Время от времени социум порождает новые форматы политического действия, к которым слово «партия» не применимо. «Жёлтые жилеты» – не российский пример. Но возьмем, например, некую сумму популярных блогеров, работающих в политической повестке. Если они скоординируются, поставят единую цель и каждый со своей позиции будет «валить» какого-нибудь губернатора или мэра на выборах, то с большой вероятностью достигнут успеха. А оппозиционная партия с ее классическими инструментами – не факт. Глядя на это, мы, вроде бы, можем сделать вывод, что партия как институт умирает. Многие так и говорят.

Мое мнение: если сейчас партии проиграют блогерам, то не потому, что институт партии как феномен умирает, а просто потому, что российские партии в значительной степени фейковые, они не являются партиями в строгом смысле этого слова.

Работая в Башкирии, я объезжал первички «Единой России». Например, приезжал в местную школу, просил собрать учителей, которые входили в состав первички. После беседы с ними стало очевидно: люди забыли совершенно, что вообще-то являются единороссами. После наших напоминаний они говорили: «Да, точно, был момент, когда нам сказали, что мы единороссы, но это давно было, а после этого никакой партийной деятельности мы не вели». Это что, партия? Это фикция. Ее члены о жизни партии узнают, как все – по телевизору, совершенно не отличаясь от обычных людей.

В 2011 году в Салавате и Стерлитамаке мы взяли базу членов «Единой России» и, не предупреждая никого, просто под видом социологов, обзвонили несколько сотен человек, замеряя среди них рейтинг партии. Рейтинг «Единой России» среди ее членов оказался ровно таким же, каким был средний рейтинг в этих

городах. В общем, такая партия, естественно, проиграет конкуренцию блогерам, из-за того, что партией является только номинально.

Это все равно, что вы поставите сейчас мою фотографию и скажете: «Какой странный этот Галлямов – сидит, молчит, ничего не говорит». Ну, не говорит, потому что это на самом деле не Галлямов, а только его изображение.

ЧЕГО НЕТ, ТОГО НЕТ

На самом деле язык демонстрирует адекватность реалиям. Если партия никак себя на деле не проявляет, то в нее и не верят.

Или взять классическую оппозицию «правый» и «левый». В ее основе – конфликт из прошлого. Социально-политические разногласия между трудом и капиталом в XIX – начале XX вв. были определяющим – чего не скажешь сегодня. На смену одному глобальному конфликту пришла масса более мелких противоречий. Может быть, наша растерянность связана с усложнением социального поля? Раньше все было просто и понятно: вот белые, вот красные. Сейчас для кого-то актуален экологический конфликт, для кого-то гендерный, для кого-то этнический, для кого-то по-прежнему труд и капитал, для кого-то город-село, а для кого-то – центр против периферии...

И в этом смысле отказ от терминологии «правый и левый», собственно говоря, опровергает наш тезис, что политический язык неадекватен реалиям. Получается, что адекватен. Терминологическая оппозиция «правый/левый» уходит, потому что уходит социальный конфликт, давший жизнь этим понятиям.

СТАРЫЙ ТЕРМИН: СОХРАНИТЬ ИЛИ ОТСЕЧЬ?

Так что мы возвращаемся к выводу, что это социальная реальность меняется, а язык за ней не успевает? И мы еще пользуемся словами, но это пустые оболочки. Вот нас к ним и не тянет.

По большому счету, любое слово – это оболочка. Реальность подхватывает старые слова, наполняет их новым содержанием. Какие-то поколения ментально не успевают, они оперируют своим прошлым содержанием. Но тот, кто справился с этой работой, уже презалил архаизмы.

С другой стороны, можно использовать старую терминологию – но можно от нее и отказаться. Ведь из-за того, что у нас намешаны разные поколения, разные культуры и так далее, мы рискуем не зафиксировать реальных изменений. Поэтому появляется мысль об «исправлении имен». Давайте мы в какой-то момент отсечем старую терминологию. Как вагон, ее отцепим.

ЭНЕРГИЯ ОТРИЦАНИЯ ЛОЖНЫХ ИДЕЙ

Но если уж рубить, то рубить с плеча. Надо сказать, что партии в России – ерунда полная, никогда никакого смысла они в России не имели. Их и не было никогда в России, в общем-то. Потому что партии революционные это террористические группировки. Партия в Советском Союзе это институт государственного управления. Партии современные – какие-то тоже выродившиеся декоративные образования. И ту функцию, которую партии играли в Америке, в России не играли никогда. И, может быть, от этого какой-то новый язык и появится.

КТО РАСКАЧАЕТ ЯЗЫК?

Очень легко сказать, что нужен новый язык, и очень трудно его придумать. Себя я не вижу в качестве специалиста, способного решить эту задачу. Это задача, может быть, вообще не для политологов и политтехнологов, которые слишком погружены в текучку. Здесь нужна определенная отстраненность. Скорее, это задача для людей из сферы искусства и культуры – в той части, в какой они соприкасаются с общественно-политической жизнью.

Проблема очевидна: люди перестают реагировать на адресованные им сообщения политиков. Это связано с особенностями нашего

восприятия. Когда мы один и тот же стилистический прием встречаем слишком часто, то перестаем его воспринимать. А искусство, как механизм коммуникации, отличается постоянным обновлением. Каждый раз на старый предмет представитель сферы искусства должен смотреть новыми глазами. Сам факт, что это – новое, в искусстве самоценен.

Поэтому в изобретении нового политического языка не обойтись без искусства и литературы.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТОР

Считают, что феномен Путина в том, что он нашел язык, который позволяет делать трансляцию смыслов универсальной. Это возможность на уровне языка снять перегородки и деления, довести до людей недокоммуницированные смыслы.

Конечно, Путин – хороший коммуникатор. Я 3 года работал в аппарате правительства и администрации президента и сотни раз мог его наблюдать. В единичных случаях было видно, что о чем-то он задумался или, может, устал, – он теряет нить разговора, отвечает не очень впопад. Но в подавляющем большинстве случаев, о чем бы речь ни шла, он абсолютно адекватен, вникает в мельчайшие подробности того, что обсуждается.

Помню, поразило меня совещание в Санкт-Петербурге. Всю прессу уже вывели, с ним осталось 5-6 человек за круглым столом и несколько нас сбоку – технических сотрудников. Речь шла об унылой теме: какие-то пенсионные надбавки и проблемы с платежами из региональных бюджетов, связанные с отсутствием в них соответствующих сроков. Я был уверен, что Путин просто отключится, ведь неинтересная тема. Но президент 2 часа сидел между губернатором Матвиенко и представителями Минфина. Матвиенко ругалась, Минфин с ней спорил, Путин во все это погрузился и был абсолютно адекватен. Он умеет, конечно, коммуницировать – тут ничего не скажешь. Думаю, его секрет в

том, что он не совершает никаких прорывов в области коммуникаций, ничего особенно не переформатирует, а просто легко общается.

РОЛЬ ОППОЗИЦИОННОГО ПОЛИТИКА: НАЙТИ ПРАВДИВОЕ СЛОВО

Недавно я обратил внимание на новость о созданном Навальным сайте. В рамках проекта «Народный профсоюз» появился интернет-ресурс, на котором объявляется борьба за выполнение майских указов. У сайта простой интерфейс – кто угодно с ним справится: забиваешь местный регион, выбираешь из списка свою профессию, после специально высчитывается положенную для тебя средняя зарплата. Думаю, это будет очень успешный проект.

Представляю, какой фурор он вызовет в провинции. Потому что на любой фокус-группе реплику, будто у нас средняя зарплата в регионе, например, 25 тысяч, люди всегда встречают очень болезненно: «Это полная чушь! Мы все по 12-15 тысяч получаем!»

Навальный бьет в больное место системы. Проблема лжи по поводу средней зарплаты людей чрезвычайно тревожит. Это не совсем, наверное, связано с языком в чистом виде. Хотя почему? Если политик оперирует понятными словами, обращается к людям на понятном им языке, то это и есть то, о чем мы сегодня говорим.

Вот звучит слово «коррупция» – люди не реагируют вообще. Используй, например, слово «разворовали» – вот тогда будет реакция. Когда социологи фиксируют, что проблема коррупции не входит в топ-5 или топ-10 обсуждаемых проблем, это не совсем корректная интерпретация. Здесь реакция не на социальный феномен, а на термин. Если кто-то заменит понятие «коррупция» более новым и наглядным термином и массово его внедрит, то мы вдруг выясним – проблема коррупции чрезвычайно волнует общественность.

НОВАЯ ИДЕЯ И НОВОЕ СЛОВО

Нельзя ли сказать, что для обновления языка нужна новая мощная идея? Кто-то скажет, что новый язык родился в русской революции, а кто-то считает – в феминистической критике. В обоих случаях появилась новая народная идея. Не бывает нового языка просто в критике, через отрицание «не-А».

Протест сам по себе негативен. Если ты начнешь привносить какой-то позитив, то просто помешаешь консолидации протестных голосов. Когда об оппозиционерах говорят, что они, мол, только ниспровергают, не предлагая ничего взамен, – это совершенно справедливо. Но на самом деле это обвинение в технологичности: они так делают, потому что это работает.

Когда в социуме доминируют негативные эмоции, объединить людей по принципу «долой!» гораздо легче, чем если ты придешь с каким-то позитивом. Когда вся энергия протестного движения сконцентрирована на отрицании, трудно родить что-то с положительной оценкой. Позитив в этот момент должен появляться где-то на стороне, но не в протестной среде.

Хотя, здесь есть тонкая, но важная грань между бунтом и революцией.

Революция тем и отличается от бунта, что на втором этапе – после отрицания – она начинает создавать образ нового будущего. И новый язык в новой картине мира рождается именно на магнетизме этой картины, на движении к влекущему образу. Тогда появляется и новый язык, и новое искусство, и так далее. Русская революция – наверное, подходящий пример (с ее новым языковым строем, и так далее).

Наш российский протест последних двух десятилетий был чисто негативным: ни единой новой идеи, способной захватить умы общества. Только обвинения режима в недемократичности и в коррупции. По сути, они правильные, но поскольку оформлены в затершуюся обветшалую терминологию, поэтому и не работают, как и сейчас. Вроде бы рейтинги властей падают, и их критика

должна привлекать сейчас большее внимание и находить большее сочувствие, однако этого не происходит. Потому что обвинения Путина в коррумпированности его режима стали такой же частью надоевшего фасада, как и «патриотическая» антизападная риторика властей.

БЕССИЛИЕ СЛОВА ИЛИ ДЕЛА?

Основная тема у людей – «наши политики говорят все время не о том». Началось все с реформы медицины - тогда наш народ обнаружил, что бесплатная медицина фактически исчезла. Потом были майские указы, оптимизация. Проблемы пошли косяком – любой губернатор региона говорит о чем угодно, только не них. А почему? Вот простой вопрос.

Эту ситуацию можно объяснить проще: неготовность властей обсуждать реальные проблемы населения. Замалчивание. То есть, это не совсем проблема политического языка. Если бы губернатор захотел, то пошел бы и объяснился с народом, используя нормальный ныне имеющийся политический язык, и люди бы его услышали. Так ведь? Но он не захотел, и это другая проблема.

Мы используем адекватный хороший язык для того, чтобы говорить неправду. А потом удивляемся и разводим руками: «Нам не верят! Наверное, дело в плохом языке!» Но это же не проблема языка, на самом деле, да?.. Если мы начнем говорить правду, тогда придется признать большое количество проблем, которые мы сами создали, и тогда придется их решать. А решать их никто не хочет...

Это и есть то, что называется вырождением. Грустный конец какой-то получился. Но он не отменяет всего другого, всего того, о чем мы сегодня поговорили.

«Язык дан политику, чтобы скрывать свои мысли», – заметил Талейран. Но с тем же успехом язык прячет отсутствие мыслей, иллюзорность политики и несостоятельность политика. Дискуссия о политическом языке в России разветвилась и привела к

постановке новых вопросов. Распутать этот клубок – задача открытых семинаров «Платформы», к участию в которых приглашаются все, кому проблема представляется важной.